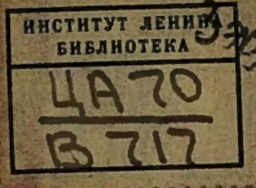
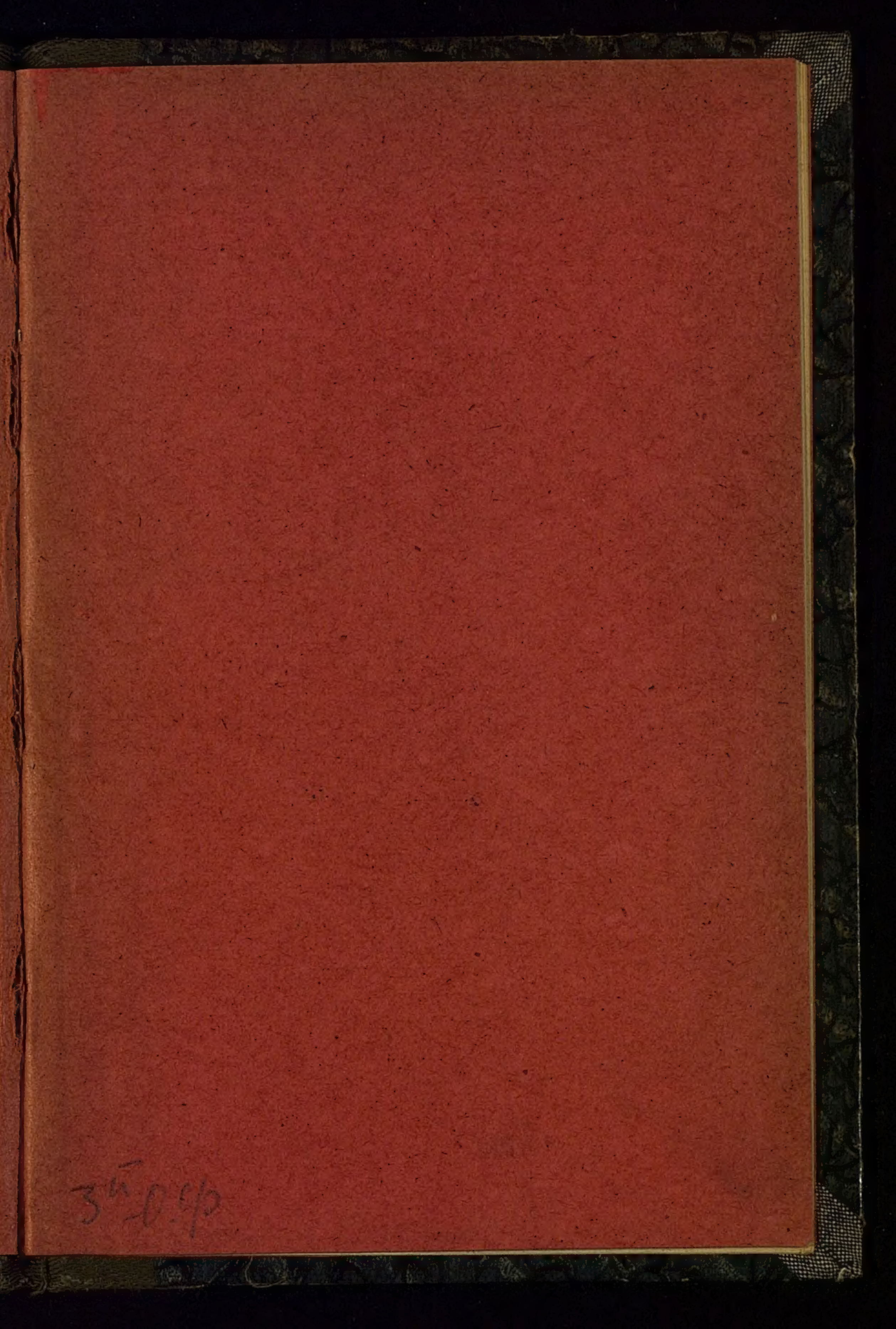
N 1500

320
Б 11

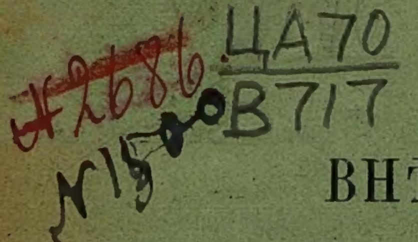

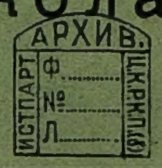
Die auswärtige und nationale Politik des Nicolaus II.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

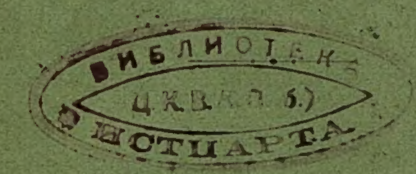

ВНѢШНЯЯ И НАЦІОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ II.

Изданіе „Искры“.

Цѣна 20 сант.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи Rue de la Coulouvrenière, 27.
1905

Въ складѣ экспедиціи Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи имѣются слѣдующія изданія:

К. Марксъ. Революція и контръ-рев. въ Германіи. Ц. 2 ф.

Карлъ Марксъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Цѣна 2 фр.

Ф. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи, съ предисловіемъ Г. Плеханова и съ приложеніемъ: изъ предисловія къ книгѣ „Der deutsche Bauernkrieg". Ц. 40 с.

К. Каутскій. Соціальная революція. Цѣна 1 фр. 50 с.

К. Каутскій. Эрфуртская программа. Цѣна на толстой бумагѣ 1 фр. 50 с. — на тонкой — 80 с.

К. Каутскій. Кишиневская рѣзня и еврейскій вопросъ. Ц. 10 с.

К. Каутскій о нашихъ партійныхъ разногласіяхъ. Цѣна 10 с.

Ф. Лассаль. Программа работниковъ. Цѣна 50 с.

Ф. Лассаль. О сущности конституціи. Цѣна 25 с.

Августъ Бебель. Соціалистическое общество. Цѣна 1 фр.

М. Шиппель. Профессіональные рабочіе союзы, съ предисловіемъ Д. Кольцова. Цѣна 1 фр.

Г. Плехановъ. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи (2-ое изд.). Цѣна 1 фр. 50 с

Г. Плехановъ. Некрасовъ (къ 25-лѣтію его смерти). Ц. 35 с.

Г. Плехановъ. Новый походъ противъ русской соціальдемократіи. Цѣна 50 с.

Н. Ленинъ. Задачи русскихъ соціальдемократовъ, съ предисловіемъ П. Аксельрода. Цѣна 50 с.

Н. Ленинъ. Къ деревенской бѣднотѣ (опытъ популяризаціи аграрной программы русской соціальдемократіи). Ц. 80 с.

Н. Ленинъ. Письмо къ товарищу. (О нашихъ организаціонныхъ задачахъ). Цѣна 40 с.

Милитаризмъ и рабочій классъ. Цѣна 35 с.

Самодержавіе и стачки. Записка Витте, съ прил. ст. Мартова. Цѣна 1 фр.

Череванинъ. Организаціонный вопросъ, съ предисловіемъ Л. Мартова. Цѣна 40 с.

Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ? (3-ье изд.). Цѣна 25 с.

Пролетарскій праздникъ 1-го мая. Ц. 25 с.

Правдинъ. Революціонные дни въ Кіевѣ. Ц. 1 фр.

Второй очередной съѣздъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Полный текстъ протоколовъ Цѣна 5 фр.

М. Панинъ. Кустарничество и партійная организація. Ц. 40 с.

Классовая борьба въ Криммичау. Цѣна 40 с.

Л. Мартовъ. Рбочее дѣло въ Россіи (2-е изд.) Ц. 80 с.

Либералы и соціалисты. Цѣна 40 с.

Въ защиту иваново-вознесенскихъ рабочихъ. Цѣна 25 с.

Всемірный праздникъ рабочихъ 1 мая. Цѣна 20 с.

Die auswärtige und nationale Politik des Nicolaus II.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ВНѢШНЯЯ
и національная политика
Николая II.

Изданіе „Искры".

Цѣна 20 сант.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи Rue de la Coulouvrenière, 27.
1905.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА

Національная политика.

Царь-Миротворецъ, умирая, оставилъ въ наслѣдство Николаю II не одну только необъятную вотчину покорной царямъ „свято-русской“ земли; онъ завѣщалъ ему три проклятыхъ вопроса: польскій, финляндскій, еврейскій; онъ оставилъ ему и „лучшій алмазъ своей короны“ — Кавказъ. Но не даромъ говорятъ, что Александръ III былъ хорошимъ семьяниномъ. Оставленное имъ наслѣдство было передано имъ сыну, какъ „благоустроенное“ доходное имѣніе. Польша, истерзанная, обезличенная подавленіемъ возстанія 63-го года, была приведена имъ въ полный „порядокъ“, т. е. окончательно порабощена, наводнена отбросами русскаго чиновничества, превращена въ огромный военный лагерь. Польскій вопросъ состоялъ лишь въ томъ, что царское правительство, минируя „привислинскій край“ русскимъ порохомъ, опасалось наткнуться на контръ-мины затаеннаго національнаго чувства: слишкомъ ужъ подозрительной казалась тишина этого обезчещеннаго края. Вопросъ этотъ былъ вопросомъ оборонительной политики. Не то — въ Финляндіи.

Европейски-культурная Финляндія имѣла слишкомъ заманчивый государственный бюджетъ, слишкомъ близко лежала къ пищепріемнику Россійской Имперіи, чтобы не вызывать вожделѣнія царскаго правительства. Нужно было только лишить ее автономности и наслаждаться сорваннымъ плодомъ. Это былъ планъ наступательной политики.

Еврейскій вопросъ! Цари крѣпостной Россіи, цари *земли*, въ высшей степени пренебрежительно относились къ безземельнымъ торгашамъ, но тѣмъ болѣе они беззастѣнчиво эксплуатировали и притѣсняли евреевъ. — Александръ III согналъ „христопродавцевъ“ съ святорусской вотчины въ города и мѣстечки Польши, Литвы и Бессарабіи, а устраненные отъ владѣнія землей, они казались ничтожествомъ съ точки зрѣнія помѣщичьихъ и царскихъ (династическихъ) интересовъ. Оставалось только драть съ нихъ подати и принуждать ихъ къ исполненію государственныхъ обязанностей, не давая имъ никакихъ правъ. Еврей — торговецъ деньгами, еврей — ремесленникъ черты осѣдлости, еврей — собака въ глазахъ развращеннаго попами населенія, этотъ еврей сдѣлался желательнымъ и дешевымъ подспорьемъ для правительства и для помѣщиковъ. Экономическія

отношенія христіанскаго и еврейскаго населенія вѣрно отразились въ польской поговоркѣ: „придетъ бѣда — зовутъ жида, прошла бѣда — долой жида!“ Пьяный драгунскій корнетъ, бьющій хлыстомъ старика еврея, который изъ страха и жадности возитъ савраса-офицера на спинѣ, ползая на четвереренькахъ передъ полковыми дамами, вотъ образецъ общественныхъ отношеній двухъ расъ. При такихъ условіяхъ еврейскій вопросъ существовалъ для интеллигентнаго еврейства и для западно-европейскаго радикализма, какъ вопросъ освобожденія угнетенной человѣческой личности. Для царизма вопросъ былъ въ томъ, какъ безнаказанно эксплоатировать еврейское населеніе, доходя въ то же время даже до травли еврея „на потѣху“ христіанской имущественной и нравственной черни.

Другихъ вопросовъ въ области національной политики царскаго правительства почти не существовало. Аристократическая Грузія переживала періодъ добровольнаго таготѣнія къ Россіи. Крестьянская Арменія покорно подчинялась податному гнету. Башкиры осѣли на землю, окрестьянились и вступали въ смѣшанные браки съ православнымъ населеніемъ, кое какъ мирясь съ грабежомъ пожалованныхъ Освободителемъ надѣльныхъ земель. Инородцы Сибири выгодно отдавали мѣха за водку...

И вотъ вступилъ на перестолъ Николай II, и все это государственное наслѣдство переходитъ въ его руки.

Онъ немедленно пускается въ царственный путь „по стопамъ незабвеннаго родителя“. Десять лѣтъ этого хожденія по стопамъ заводитъ Россію очень далеко. Царизмъ топчетъ въ историческую грязь государственно-гражданскій строй Финляндіи, доканчиваетъ дѣло политическаго и экономическаго искорененія польской шляхты (дворянства).

Этимъ царское правительство въ главнѣйшемъ выполняетъ рѣшеніе двухъ національныхъ вопросовъ: борьбы съ могуществомъ политически организованныхъ высшихъ финляндскихъ сословій и борьбы съ земельнымъ польскимъ дворянствомъ, которое съ 1863 года подозрѣвалось въ намѣреніи захватить въ свои руки верховную власть надъ „отчизной отъ моря до моря“. На этихъ двухъ театрахъ военныхъ дѣйствій самодержавіе ведетъ дѣло захвата и удержаніе политической власти — еще разъ покоряетъ Финляндію, замиряетъ покоренную Польшу. Эти два „дѣянія“ Николая II подлежатъ суду международнаго права и стоятъ въ сторонѣ отъ остальной „домашней“ политики царствованія.

Походъ на Финляндію сразу встрѣчаетъ трудное препятствіе въ видѣ „законности“, царящей въ этомъ краѣ. Финляндія управляется на основаніи трехъ юридическихъ актовъ: „Формы правленія“ 1772года, „Акта соединенія и безопасности“ 1789 г. и „Сеймового устава 1869 года“. Эти основные законы Великаго

Княжества положены Александромъ II въ основу свода законовъ страны. Они даютъ Финляндіи автономное государственное самоуправленіе, свои отдѣльные финансы; они отдаютъ законодательство и обложеніе налогами въ руки земскихъ чиновъ Финляндіи. И вотъ желаніе грабить финляндскій бюджетъ наталкиваетъ царское правительство на конституціонную ограду страны. Какъ быть? Царское правительство дѣлаетъ сначала пробный ударъ, а затѣмъ идетъ напроломъ.

Вступая на престолъ, Николай II объявляетъ Финляндію въ своемъ манифестѣ „нераздѣльной" частью имперіи. Страна отвѣчаетъ волненіями, посылаетъ депутацію, и Царь отступаетъ, „клянясь" сохранить конституцію Финляндіи. Но онъ нисколько не отказывается отъ мысли сломить стойкость финляндцевъ, и противъ Финляндіи начинается форменный походъ.

Съ первыхъ же лѣтъ теперешняго царствованія двинута въ дѣло петербургская и московская реакціонная пресса. Ей дана задача: „доказать" призрачность финляндской конституціи и необходимость слiянія этой окраины съ имперіей, — затушевать и „опровергнуть" такіе факты, какъ напримѣръ участіе финляндской казны въ имперскихъ расходахъ на сумму въ 30 милліоновъ марокъ ежегодно. Наконецъ въ 1898 году были начаты „наступательныя военныя дѣйствія". Генералъ-губернаторомъ Финляндіи назначается Бобриковъ. Въ своихъ рѣчахъ административнымъ властямъ и сенаторамъ онъ объявляетъ борьбу превратному толкованію „тѣхъ началъ; на которыхъ зиждятся отношенія Финляндіи и Имперіи". Онъ грозитъ именемъ государственной власти не допустить „дальнѣйшаго распространенія въ краѣ всего того, что можетъ препятствовать сплоченію великой имперіи". Онъ возлагаетъ на сенатъ отвѣтственность за народъ, требуетъ со стороны сената воздѣйствія на печать.

Въ томъ же 1898 году созывается царемъ чрезвычайный сеймъ „для согласованія устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ съ началами, дѣйствующими въ семъ дѣлѣ въ Имперіи". Сейму навязываютъ установленіе „полнѣйшаго единообразія въ законоположеніи" объ арміи съ законами Имперіи. Сеймъ не можетъ принять этой несправедливой мѣры. И вотъ, 3 февраля 1899 года во время продолжающагося сейма, царское правительство производитъ государственный переворотъ въ Финляндіи. Манифестомъ этого дня устанавливается новый порядокъ: новые законы могутъ быть издаваемы *безъ согласія сейма*, если эти законы „касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи".

Съ этого страшнаго въ жизни Финляндіи момента начинается оргія самодержавнаго произвола. Напрасно сеймъ отвергаетъ законопроектъ о воинской повинности и объявляетъ незаконнымъ

царскій манифестъ. Мнѣніе сейма и законопроектъ петербургскаго военнаго министерства поступаютъ въ Государственный Совѣтъ. Большинство Совѣта стоитъ за рѣшеніе Сейма. Царь присоединяется къ меньшинству, иначе говоря, рѣшаетъ вопросъ самолично, собственной рукой душитъ конституціонную свободу Финляндіи. Послѣ этого „царскія милости" льются широкой рѣкой на покоренную страну. — Лѣтомъ 1900 года издаются одновременно 3 указа: объ уничтоженіи свободы собраній и сходокъ, о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство Сената и главныхъ управленій.

Въ 1901 году издается указъ о назначеніи въ краѣ на должности, „облеченныя монаршимъ довѣріемъ", уроженцевъ имперіи. Манифестомъ 29 іюня того же года утверждается сходный съ имперскимъ воинскій уставъ, и царское правительство принимаетъ насильственныя мѣры для того, чтобы добиться распубликованія его въ церквахъ, безъ чего въ Финляндіи онъ не могъ бы получить силу закона. Въ сентябрѣ 1902 года издаются царскіе указы о смѣщеніи финляндскихъ чиновниковъ и судей административнымъ путемъ, объ увеличеніи власти губернаторовъ и подчиненіи Сената генералъ-губернатору, о предоставленіи русскимъ чиновникамъ правъ государственной службы въ Финляндіи и о запрещеніи привлеченія чиновниковъ къ судебной отвѣтственности за проступки, совершенные ими по службѣ, безъ согласія начальства на преданіе ихъ суду.

Быстро затягивается мертвая петля самодержавнаго режима, и обезсиленный народъ безъ практическихъ результатовъ борется противъ отдѣльныхъ актовъ насилія: недопускаетъ чтенія закона о воинской повинности въ церквахъ, не является къ призыву по этому закону, пытается подать царю знаменитый адресъ—протестъ, подписанный почти 500 тысячъ народа. Царь не принимаетъ делегатовъ и „въ своемъ безпредѣльномъ и отеческомъ снисхожденіи къ увлеченію агитаціей" оставляетъ адресъ безъ послѣдствій. Послѣ этого слѣдуютъ только новыя мѣры угнетенія: насиліе надъ судами, гоненія печати, увольненіе сенаторовъ, губернаторовъ. Населеніе массами покидаетъ страну: за одинъ 1902 годъ за-границу вы селяется 22.265 человѣкъ.

Такъ была сломлена верховная власть сената и сейма, т. е. привиллегированныхъ сословій Финляндіи, и непринятый царемъ международный адресъ съ подписями 1050 видныхъ ученыхъ и дѣятелей современной Европы звучитъ надгробнымъ словомъ былой финляндской свободѣ.

Не такъ богата событіями, но также реакціонно-послѣдовательна была *національная политика* первыхъ 3 лѣтъ царствованія Николая II *въ Польшѣ*. Кровавое дѣло Муравьева-Вѣшателя покорило государственную силу польской шляхты подъ ноги царей. Но могучее когда-то сословіе еще не умерло окончательно

и, пугая Александра III возможностью своего возрожденія, побудило его завѣщать сыну политику безпощаднаго гнета. Въ этой политикѣ не было впрочемъ забыто, что русская Польша подарокъ европейскихъ державъ, что она на виду у послѣднихъ, и потому соблюдалась „законность". Уже главные, существовавшіе съ 1863 года, ограничительные законы царства Польскаго выставлялись какъ будто согласующимися со Сводомъ Законовъ Имперіи, хотя на дѣлѣ рѣзко ему противорѣчили. Такъ, ограниченіе въ правахъ государственной службы существовало не для „поляковъ" или „католиковъ", а для лицъ *польскаго происхожденія*, что формально не противорѣчило Своду законовъ, предоставляющему это право безъ различія племени и вѣроисповѣданія всѣмъ, имѣющимъ „право на эту службу по *происхожденію* или образованію". Статья Свода Законовъ о свободѣ вѣры въ Россійскомъ государствѣ дополнена была цѣлымъ рядомъ постановленій и правилъ о запрещеніи крестныхъ ходовъ, о надзорѣ за семинаріями, монастырями и духовенствомъ, о надзорѣ за епископами при поѣздкахъ ихъ по епархіи, о прикрѣпленіи ксендзовъ къ ихъ приходамъ.

Всѣ эти беззаконные законы были сохранены Николаемъ II. Остался при немъ первые годы въ силѣ и „контрибуціонный сборъ въ 10 % съ доходности всѣхъ имѣній западнаго края". Сборъ этотъ былъ наложенъ за возстаніе 1863 года и сдѣланъ сборомъ съ польскаго землевладѣнія, послѣ того какъ еще Муравьевымъ онъ былъ пониженъ для русскихъ и остзейцевъ до 5 %. Эта контрибуція на покореннаго, но не замиреннаго врага сохранялась и при Николаѣ до 1897 года. Политика неувѣренныхъ „побѣдителей" продолжается во все время генералъ-губернаторства графа Шувалова. Въ августѣ 1895 года Шуваловъ высказывается противъ введенія въ Польшѣ городового положенія 1892 года, между тѣмъ какъ существовавшіе съ 1870 года магистраты изъ чиновниковъ по назначенію являлись тормазомъ городского благосостоянія. Шуваловъ продолжаетъ безпощадное преслѣдованіе языка и вѣры поляковъ, заводитъ для крестьянъ русскія библіотеки, предлагаетъ во всеподданнѣйшей запискѣ 1896 года постепенно сокращать, а затѣмъ и вовсе уничтожить преподаваніе польскаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Такимъ путемъ въ Польшѣ, какъ и въ Финляндіи рѣшался вопросъ о томъ, кому быть господиномъ страны. И поскольку онъ въ Польшѣ былъ рѣшенъ въ пользу ненасытнаго русскаго правительства, постольку страна была отдана на разграбленіе стаѣ чиновниковъ, арміи. Административный разгулъ царилъ здѣсь, какъ и въ другихъ окраинныхъ областяхъ Россіи, и этотъ режимъ развязанныхъ рукъ составлялъ *домашнюю* національную политику самодержавія.

Этотъ воистину азіатскій порядокъ прежде всего, понятно

практиковался въ „Азіи“ — на Кавказѣ. Законъ о воинской повинности 1903 года замѣнилъ службу кавказскихъ туземцевъ въ мѣстныхъ резервныхъ баталіонахъ службой ихъ въ различныхъ воинскихъ частяхъ въ Имперіи. Итоги благодѣтельнаго закона скоро сказались: было засвидѣтельствовано оффиціальнымъ донесеніемъ повышеніе заболѣваемости и смертности въ русской арміи, вслѣдствіе призыва кавказцевъ во внутреннія губерніи. Изъ 27, напримѣръ, человѣкъ, посланныхъ въ 1900 году въ Портъ-Артуръ, въ 1903 году осталось въ живыхъ 10, — остальные не перенесли суровости климата.

„Домашняя“ политика не исчерпывалась, однако, генералъ-губернаторскими полномочіями и разнузданностью низшей администраціи. Кавказъ, напримѣръ, былъ отданъ въ полное распоряженіе князя Голицина, который быстро съумѣлъ вытравить всякіе слѣды законности въ дѣлѣ управленія краемъ. Правительство при этомъ не оставляло Кавказа и своимъ законодательнымъ попеченіемъ. Эти законодательныя мѣры по беззастѣнчивости своей мало, впрочемъ, отличаются отъ административныхъ расправъ и тоже должны быть причислены къ числу „домашнихъ средствъ“. Это законы: о реорганизаціи кавказскихъ резервныхъ баталіоновъ, и о конфискаціи армянскихъ церковныхъ имуществъ.

Закономъ 12 іюня 1903 была ограблена національная армянская церковь, имущества которой оцѣниваются въ сумму свыше 100 милліоновъ рублей. Эти церковныя имущества находились подъ контролемъ выборныхъ изъ среды армянской буржуазіи. Законъ 12 іюня отнялъ всѣ эти богатства въ казну, взявъ на жалованье армянское духовенство. Разграбленіе національной святыни и народнаго фонда, который частью шелъ на нужды благотворительности и просвѣщенія, по достоинству оцѣнено армянскимъ народомъ: тысячныя толпы шли защищать церковное добро отъ царскихъ властей и отступали только подъ градомъ солдатскихъ пуль.

Характерную роль играли эти законодательныя вторженія верховной царской власти во внутреннюю жизнь окраинъ. Они разбивали у народыхъ массъ послѣднюю вѣру въ „высшую справедливость“ царя. Отъ имени царя производились самыя тяжкія посягательства на личность и имущество „инородцевъ“. Въ концѣ концовъ народъ даже въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ исполнителей царской политики пріучился видѣть царскую волю и, такимъ путемъ, и на окраинахъ складывалась „извѣстная русская пословица: долой самодержавіе“.

Прелести такого режима повсюду дополняются личной непринужденностью чиновниковъ: одного взгляда на дѣятельность разнаго рода „царскихъ слугъ“ достаточно, чтобы представить себѣ обстановку жизни окраинъ,

Вспомнимъ покореніе Польши при Николаѣ II: Гурко, Шуваловъ, Апухтинъ. Гурко удаляется съ поля брани съ блестящимъ трофеемъ: съ капиталомъ свыше 2 милліоновъ рублей (въ видѣ имѣній и процентныхъ бумагъ), благопріобрѣтенныхъ имъ въ дѣлѣ обрусенія западной окраины. Шуваловъ насаждаетъ русскій языкъ и отстаиваетъ исключительный режимъ Польши усерднѣе самаго министра внутреннихъ дѣлъ, не стѣсняясь увольнять со службы строптивыхъ.

Этотъ сатрапъ „высказывается противъ" возвращенія на родину уніатовъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ въ Таврическую, Херсонскую и Оренбургскую губерніи. Наконецъ, Апухтинъ, изувѣръ-руссификаторъ, проводитъ инквизиціонную систему, гоненія на польскій языкъ, доводитъ воспитательныя мѣры до шпіонства за жизнью дѣтей въ родной семьѣ.

Такимъ образомъ, ничѣмъ не стѣсняемое самоуправство генералъ-губернаторовъ и болѣе мелкихъ административныхъ властей превратило общественную, школьную и даже частную жизнь коренного населенія Польши въ безконечную вереницу стѣсненій, оскорбленій и матеріальныхъ потерь.

Административный разгулъ издѣвался не надъ одной Польшей.

„Вотъ вамъ „законъ"! кричалъ царствовавшій въ Финляндіи Бобриковъ, размахивая кулакомъ передъ лицомъ полковника, отказывавшагося вмѣстѣ съ другими офицерами отъ „незаконной" присяги на русскомъ языкѣ.

Онъ подтвердилъ справедливость своихъ словъ, захватывая „въ безконтрольное распоряженіе" десятки тысячъ финляндскихъ денегъ помимо жалованья отъ русскаго правительства, „переводя" милліоны изъ финляндскаго въ русское казначейство.

На Кавказѣ генералъ-губернаторскій произволъ принимаетъ форму правильной компаніи, но въ сущности ничѣмъ не отличается отъ неузаконеннаго произвола польскихъ и финляндскихъ сатраповъ.

Въ 1897 году царское правительство отдаетъ весь Кавказъ въ руки князя Голицына именнымъ указомъ о „расширеніи полномочій главно-начальствующаго гражданской частью на Кавказѣ". Этимъ указомъ генералъ-губернатору дается право принимать рѣшительныя мѣры къ прекращенію безпорядковъ и упущеній въ административныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ; отмѣнять постановленія этихъ учрежденій, устранять служащихъ въ нихъ отъ должностей; привлекать ихъ къ судебной отвѣтственности на правахъ ревизующаго сенатора, воспрещать жительство въ какой либо мѣстности Кавказа и вообще въ предѣлахъ края лицамъ, пребываніе которыхъ тамъ признано будетъ вреднымъ.

Князь Голицынъ во-всю использовалъ эти полномочія. Онъ началъ съ травли армянскихъ чиновниковъ, закрылъ всѣ армянскія

школы, уничтожилъ издательское общество, запретилъ печатанье либеральныхъ армянскихъ произведеній писателей 70-хъ годовъ: старался мѣшать вообще печатанью книгъ на армянскомъ языкѣ, отнималъ у крестьянъ земли, отдавалъ ихъ русскимъ поселенцамъ, запретилъ правительственнымъ учрежденіямъ принимать армянъ-рабочихъ, добивался того же у частныхъ предпринимателей; онъ, наконецъ, основалъ колонизаціонный фондъ для заселенія края русскими переселенцами. На средства этого фонда въ Елизаветпольской губерніи основано 40 русскихъ деревень и на колонизацію Тифлисской губерніи израсходовано 5 милліоновъ рублей. Значеніе такой колонизаціи становится ясно, если вспомнить, что всѣ эти мѣстности населены много гуще значительной части Европейской Россіи, что грузинское крестьянство, голодающее и разоренное зимними холодами и мятелями въ 1898 году, осталось безъ всякой правительственной помощи, что разселенные по Кавказу въ 1896 году духоборы страшно бѣдствуютъ, поголовно подвергаются болѣзни глазъ, которая вызываетъ слѣпоту даже у большинства 2-3 лѣтнихъ дѣтей, — и несчастные при всемъ томъ остаются безъ врачебной помощи.

Но шире всего полномочный генералъ-губернаторъ пользуется постоями казаковъ, какъ мѣрой воздѣйствія на разнаго рода „непокорныхъ“ крестьянъ; при этихъ постояхъ кровъ, имущество, жены крестьянъ переходятъ въ распоряженіе христолюбиваго воинства.

Чѣмъ дальше на востокъ въ Азію, тѣмъ прочнѣе произволъ администраціи и арміи, тѣмъ беззащитнѣе инородческое населеніе. Можно судить, какъ сладко было сартскому населенію средне-азіатскихъ владѣній владычество русскихъ властей, если андижанцы, не избалованные деспотизмомъ востока, рѣшились произвести нападеніе на хорошо вооруженный русскій лагерь. Тысячи висѣлицъ съ трупами „наказанныхъ“ произвели должное впечатлѣніе, возстановили нарушенный „порядокъ“.

Но надолго ли они упрочатъ его? Въ послѣднее время и „цивилизуемый“ бурятъ начинаетъ поднимать голову, хотя пока еще съ прошеніемъ къ царицѣ о позволеніи бѣжать въ азіатскій Китай изъ цивилизованной Россіи.

Но до высшей мѣры глумленія надъ личностью доведена политика правительства въ царствованіе Николая II по отношенію къ евреямъ. Еврейскій вопросъ въ Россіи за послѣднее царствованіе имѣлъ одну характерную черту: отношеніе правительства къ евреямъ за эти 10 лѣтъ можетъ быть названо безусловнымъ „бездѣйствіемъ власти“. Значитъ ли это, что евреи были оставлены правительствомъ въ покоѣ? Нисколько. Вся та сумма исключительныхъ мѣръ гнета, которая была принята противъ нихъ при Александрѣ второмъ и третьемъ осталась въ силѣ, безъ какихъ бы то ни было новыхъ шаговъ со стороны Николая II.

Мало того. Антисемитизмъ (ненависть къ евреямъ) невѣжественнаго христіанскаго населенія требовалъ вмѣшательства власти въ защиту евреевъ. Но власть бездѣйствовала. Дѣйствительно, „временныя правила“ 3-го мая 1882 года о чертѣ осѣдлости породили чрезмѣрную скученность еврейскаго населенія въ городахъ и мѣстечкахъ. Къ году вступленія Николая II на престолъ пролетаризація этого населенія и конкуренція между ремесленниками страшно развились и повысились. Къ этому же году рядомъ послѣдовательныхъ узаконеній еврейскій народъ былъ лишенъ цѣлаго ряда правъ. Одна за другой были проведены мѣры: установленъ исключительнный 300-рублевый штрафъ за уклоненіе отъ воинской повинности; сильно затрудненъ доступъ евреевъ въ общія учебныя заведнія и закрытъ доступъ въ адвокатуру; запрещено жительство евреямъ ремесленникамъ въ Москвѣ, и, наконецъ, евреи отстранены отъ участія въ городскомъ управленіи въ качествѣ избираемыхъ и избирателей.

Между тѣмъ невѣжество развращаемаго духовенствомъ христіанскаго населенія при растущемъ его обѣдненіи толкало его искать исходъ своему тупому отчаянному недовольству въ національной ненависти, въ антиеврейскихъ погромахъ. Начинается открытая антиеврейская агитація и явная организація погромовъ. Появляется Крушеванъ, редакторъ газеты „Бессарабецъ“ и другіе „интеллигентные“ дѣятели погромовъ въ родѣ кишиневскаго. Рядъ такихъ фактовъ, какъ погромы въ Шполѣ, Кіевской губерніи, 18-19 февраля 1897 года, въ Николаевѣ, 19 апрѣля 1899 года, обнаруживалъ все ту же варварскую довѣрчивость христіанскаго населенія къ безсмысленнымъ повѣріямъ объ употребленіи евреями на пасху человѣческой крови, открывалъ закулисную агитацію полиціи, и всякій разъ становилось несомнѣннымъ полное нежеланіе административныхъ и военныхъ властей заступаться за несчастныхъ жертвъ холодящаго кровь насилія. Во время погрома въ Шполѣ только на второй день, когда по словамъ очевидца, „разрушать уже почти нечего было“ пришла телеграмма о выѣздѣ изъ Кіева губернатора, другихъ властей и 3 сотенъ уральскихъ казаковъ.

Въ Николаевѣ въ 1899 году на пасху войска были вызваны только на второй день погрома, а самъ погромъ былъ, какъ установлено, организованъ провокаторомъ. Поведеніе кишиневскихъ властей въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, превзошло всѣ границы.

Но „прогрессъ государственности“, въ политикѣ царскаго правительства за послѣднее царствованіе на этомъ не остановился. Свѣжіе въ памяти всѣхъ ужасные дни Кишиневскаго погрома 1903 года дали документальныя доказательства того, что агитаторомъ, даже болѣе того, — организаторомъ отврательной бойни, нечеловѣческаго, гнуснаго издѣвательства и насилія надъ человѣкомъ являлись не только нижніе агенты полицейской власти, но

и глава правительства, министръ внутреннихъ дѣлъ. Немедленно слѣдующій за кишиневскимъ гомелькій погромъ повторяетъ ту же ужасную драму.

Дошедшее до старческой дряхлости, до припадковъ остраго безумія самодержавіе дѣлаетъ орудіемъ своихъ политическихъ цѣлей самые гнусные, больные инстинкты.

И интересно видѣть, что въ послѣдніе годы,—въ этотъ періодъ все учащающихся погромовъ, произошла несомнѣнная перемѣна „курса“ національной политики правительства по отношенію къ „лишенному всѣхъ правъ“ еврейству. Впрочемъ этотъ вопросъ объ измѣненіи національной политики въ послѣднее царствованіе можетъ и долженъ быть разсмотрѣнъ ближе.

Фактъ тотъ, что въ разное время и на различныхъ окраинахъ имперіи, Николай II, идущій и въ области этой политики „по стопамъ незабвеннаго родителя“ начинаетъ ступать нѣсколько по иному. Прежняя тактика правительства въ національномъ вопросѣ заключалась, съ одной стороны, въ притѣсненіи землевладѣльцевъ и людей свободныхъ профессій, съ другой стороны,—въ нѣкоторомъ политическомъ заигрываніи съ крестьянствомъ. Въ Польшѣ мелкіе крестьяне были свободны отъ поземельнаго налога. Въ сѣверо-западномъ краѣ латышскому крестьянству тоже легче дышалось по сравненію съ баронами и городской интеллигенціей, которая задыхалась среди гоненій на языкъ, національную школу и церковь. То была борьба самодержавія за верховную власть въ этихъ странахъ — съ крупными землевладѣніемъ, исконнымъ господиномъ этихъ областей. Потому-то именно борьба эта становилась угнетеніемъ крестьянства, тамъ, гдѣ, какъ въ Арменіи, главная масса земли находилась въ рукахъ мелкихъ крестьянъ. Вопросъ національной политики такъ сильно былъ связанъ съ вопросомъ власти надъ землями, что, не смотря на всѣ фразы о „польскомъ происхожденіи“, мѣры притѣсненія и недовѣрія были распространены въ польскихъ губерніяхъ и на русскихъ помѣщиковъ. Авторъ извѣстной книги о русско-польскихъ отношеніяхъ графа Лелива видитъ въ этомъ „*свойство почвы западнаго края*“.

Мѣтко сказано. Могучая подземная сила экономическаго строя диктуетъ законы національной политики самодержцу!

И вотъ за послѣднее время „свойства почвы“ россійской имперіи стали измѣняться. Колоссальное развитіе польской промышленности наряду съ упадкомъ землевладѣльческаго хозяйства выдвигаетъ новый обширный слой населенія въ лицѣ промышленной буржуазіи и обслуживающей ее буржуазной интеллигенціи. Старый врагъ царей, шляхта, умираетъ или перерождается, а новый соперникъ въ борьбѣ „за кошелекъ народа“ предпочитаетъ худой миръ доброй ссорѣ. На сцену русско-польскихъ отношеній выступаютъ „угодовцы“, стороники подчиненія царю, и публи-

цистъ Пильцъ въ петербургской польской газетѣ „Край“ въ трехъ статьяхъ излагаетъ ихъ программу: отказъ отъ революціонной программы 63-года, обѣщаніе покорности монарху и правительству, признаніе принципа государственнаго единства и государственныхъ обязанностей польскаго народа. Все это — за національную культурную самобытность, за уравненіе правъ поляковъ съ правами всѣхъ подданныхъ имперіи, за дарованіе Польшѣ тѣхъ учрежденій, какими пользуются внутреннія губерніи.

Царское правительство на этотъ разъ не остается, какъ-будто бы, глухимъ и нѣмымъ. И еще бы! Новый врагъ, революціонный пролетаріатъ Польши сближаетъ интересы самодержавія съ интересами промышленной буржуазіи. Это „неестественное“ сближеніе идетъ въ Польшѣ довольно далеко, потому что тамошняя буржуазія чувствуетъ себя слишкомъ ослабленной царскимъ гнетомъ въ борьбѣ съ бунтующимъ „хлопомъ“ пришедшимъ изъ деревни на фабрику. Она отъ многаго готова отказатся за одну только ласку государственнаго покровительства, за общеимперскія права цензовыхъ слоевъ населенія.

И вотъ на постъ варшавскаго генералъ-губернатора назначается „дипломатъ“ князь Иммеретинскій, и бразды правленія начинаютъ ослабляться.

Съ 1 января 1897 года отмѣненъ царскимъ указомъ „особый процентный сборъ съ недвижимостей лицъ польскаго происхожденія“. Лѣтомъ того же года царь отмѣняетъ мѣры насильственнаго обрусѣнія школы: принудительное посѣщеніе учениками иновѣрцами православныхъ церквей въ табельные дни и—общую православную молитву передъ ученіемъ. Гоненіе на языкъ и вѣру облегчается и въ сѣверо-западномъ и прибалтійскомъ краѣ. Имеретинскій встаетъ на защиту польскаго языка въ школѣ, устраиваетъ въ деревняхъ библіотеки изъ польскихъ книгъ.

Закономъ 30 марта 98 года при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ учреждается особое „Совѣщаніе“,и Иммеретинскій въ своей рѣчи при открытіи „Совѣщанія“ обѣщаетъ „опираться въ своихъ рѣшеніяхъ... на авторитетный голосъ“ его „членовъ“. Во всеподаннѣйшей запискѣ 98 года этотъ генералъ-губернаторъ находитъ необходимымъ исподволь дать Польшѣ земское и городское самоуправленіе. 5 лѣтъ спустя, въ маѣ 1903 года опубликовывается „положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ 9 западныхъ губерніяхъ“. Этимъ закономъ учреждаются губернскіе и уѣздные комитеты: первые съ распорядительной властью, — вторые для подготовительной работы въ земскомъ хозяйствѣ. Составъ и тѣхъ и другихъ смѣшанный: изъ административныхъ чиновниковъ и выборныхъ гласныхъ по 2 на уѣздъ.

Вскорѣ послѣ составленія „записки“ Иммеретинскаго, въ которой необходимость ослабленія національнаго гнета доказывается опа-

сностью соціалистическаго броженія въ рабочей средѣ, царю подается „записка“ виленскаго губернатора о положеніи евреевъ. Здѣсь также предложенъ пересмотръ законовъ объ евреяхъ ввиду „нежелательнаго, но существующаго политическаго броженія“ среди еврейской массы. Ясно, что, легально возникшій съ 1897 г. и прирученный правительствомъ сіонизмъ не могъ быть названъ опасностью. Онъ нашелъ исходъ въ открытыхъ собраніяхъ, въ установленіи 50 копѣечнаго сбора, въ такихъ обществахъ, какъ „Одесское общество вспомоществованія евреямъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ въ Сиріи и Палестинѣ“. Виленскому генералъ-губернатору не даетъ спать *соціальдемократія.*

Это *„почва края“ дрожитъ* подъ ногами обоихъ сатраповъ. Они настойчиво предлагаютъ царю измѣнить свою державную поступь въ національной политикѣ, и встрѣчаютъ согласіе.

По той же причинѣ, какъ и въ польскомъ вопросѣ, царское правительство въ самое послѣднее время „вняло ходатайству“ виленскаго генералъ-губернатора. Онъ въ своей запискѣ жалуется на вялый ходъ развитія промышленности внѣ черты осѣдлости и на грозное обѣдненіе населенія въ этой чертѣ.

Царскому правительству необходимъ предпріимчивый еврей, для насажденія отечественной промышленности, для устройства въ уѣздахъ различныхъ фабрикъ и заводовъ, и даже просто для развитія ремеслъ въ деревняхъ. Мелкому торговцу еврею, при всей его способности копить деньгу, не выбиться въ крупнаго буржуа въ чертѣ осѣдлости, гдѣ слишкомъ сильно соперничество а правительству нужно увеличеніе числа денежныхъ евреевъ. Западныя правительства въ прошломъ столѣтіи изъ такихъ же соображеній давали еврейству различныя права и льготы. Повидимому и русскому царю приходитъ пора, говоря словами Маркса, дать денежнымъ евреямъ „свободу христіанскихъ банкировъ“.

Наконецъ, правительство распространяетъ „новый курсъ“ и на другія окраины: промышленный и земледѣльческій Кавказъ получаетъ пародію земскаго и городскаго самоуправленія.

Какъ же далеко можетъ зайти эта политика „освобожденія угнетенныхъ народностей“?

Переходъ отъ уровня „осаднаго положенія“ имперскихъ окраинъ до того рабски безправнаго „равенства всѣхъ передъ“.... царемъ, который убиваетъ политическую гражданскую жизнь Россіи,—вотъ крайній предѣлъ политики уступокъ царскаго правительства.

Но Николай II и на 10 году своего царствованія не обнаруживаетъ намѣренія идти впередъ, хотя бы до этого предѣла. Уровень русскаго безправія можетъ быть намѣченъ правительствомъ развѣ только для Финляндіи, которая и послѣ разгрома пользуется большей свободой, чѣмъ Россія. Но для Финляндіи путь къ этому предѣлу будетъ путемъ новыхъ насилій надъ ея національ-

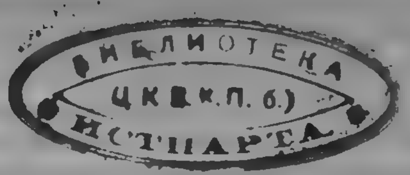
ными особенностями; въ то время какъ Польшѣ и даже Кавказу дарованіе такого же земства и городскаго самоуправленія, какія существуютъ въ Россіи, не дастъ національной свободы. Не сможетъ и не захочетъ царское правительство снять всю сумму національнаго гнета, гоненія на совѣсть и слово. Десять послѣднихъ лѣтъ, десять листовъ нашей исторіи, — листовъ, забрызганныхъ кровью жертвъ національной политики и грязью палачей—не могутъ быть вычеркнуты царской рукой. Политика натравливанья національностей другъ на друга была сѣменемъ, давшимъ пышные всходы. Съ національной ненавистью, которая такъ ярко выражается въ безпрестанныхъ еврейскихъ погромахъ, можно бороться только широкимъ демократическимъ режимомъ, т. е. прежде всего низверженіемъ самодержавія. Но царское правительство далеко даже отъ мысли хоть сколько нибудь умѣрять эту ненависть. Напротивъ того, оно съ успѣхомъ пользуется ею для укрѣпленія своей власти надъ народными массами: для усмиренья польскихъ рабочихъ русскими солдатами, кавказскихъ крестьянъ—казацкими постоями, для подавленія и устрашенія еврейскихъ рабочихъ руками озвѣрѣлыхъ христіанъ — погромщиковъ.

А между тѣмъ за послѣднее время національный вопросъ усложнился. Для буржуазіи окраинъ онъ уже неотдѣлимъ отъ вопроса политической свободы; для *сознательнаго пролетаріата* окраинъ нѣтъ больше борьбы съ Россіей за національное самоуправленіе, есть только борьба съ самодержавіемъ за гражданскія и политическія права, и только въ ряду всѣхъ прочихъ — за право національнаго самоопредѣленія.

Противъ этого послѣдняго непримиримаго врага своего царское правительство направляетъ удары національго гнета и въ судебномъ процессѣ, по поводу гомельскаго погрома, привлекаетъ къ отвѣтственности рабочихъ за организацію самообороны. Но этотъ послѣдній „курсъ“ становится роковымъ для правительства. Послабленія въ національной политикѣ наталкиваются на камень пролетарской революціонности и не доводятся до конца. И вопросъ освобожденія отъ всей массы національнаго гнета становится для народовъ имперскихъ окраинъ вопросомъ низверженія самодержавія.

Националистическая политика привиллегированныхъ слоевъ порабощенныхъ народовъ теряетъ силу, и размѣнивается — въ Финляндіи на „измѣнничество“ старофинновъ, въ Польшѣ — на происки „угодовцевъ“, въ кавказскомъ краѣ — на ходатайства грузинскихъ дворянъ о расширеніи сословныхъ правъ дворянства, на благородныя слезы эчміадзинскаго патріарха о церковныхъ сокровищахъ. Но глубоко подведенъ подъ вѣтхое зданье самодержавія рычагъ революціонности пролетаріата окраинъ. И близокъ часъ паденья этой тюрьмы столькихъ народовъ!

П. С.

Внѣшняя политика.

Льстивые царедворцы любятъ давать каждому царю какое-нибудь прозвище, долженствующее прославить его особыя заслуги предъ родиной. Въ правленіе тупоумнаго и бездарнаго Александра III даже царедворцы не могли найти никакихъ заслугъ — и его прозвали „миролюбивымъ". Александръ III дѣйствительно внѣшнихъ войнъ не велъ, — если не считать среднеазіатскихъ экспедицій, — и больше занимался борьбою съ „внутреннимъ врагомъ", но не потому, конечно, что онъ былъ противъ хищнической внѣшней политики, которая всегда отличала русское самодержавіе, а просто потому, что у него не было на то силъ. Чтобы вести войны, нужны деньги, а именно денегъ у самодержавія не было. Всѣ безчисленные займы, которыми самодержавіе пополняло выколачиваемыя изъ разоренной страны деньги, были сдѣланы въ Германіи. И Бисмаркъ, стоявшій во главѣ германской дипломатіи, очень ловко пользовался этой денежной зависимостью самодержавнаго правительства. Не менѣе ловко пользовался Бисмаркъ и страхомъ самодержавія за цѣлость своего существованія, убѣдивъ его, что подъ крылышкомъ Германіи Александръ III упрочитъ свою неограниченную власть, для чего и былъ заключенъ извѣстный союзъ трехъ императоровъ. Ничего болѣе позорно-глупаго, – даже съ точки зрѣнія самодержавной дипломатіи,—этого союза императоровъ нельзя себѣ представить, потому что за спиною этого союза было заключено австро-германское соглашеніе въ сущности противъ русской дипломатіи на Балканскомъ полуостровѣ. Такимъ-то образомъ Александръ III , который во внутренней политикѣ стремился вернуть мрачные и жестокіе порядки николаевщины, во внѣшней политикѣ игралъ роль трусливаго школьника Бисмарка. Онъ не смѣлъ ни одного шага сдѣлать безъ разрѣшенія своего повелителя, который жестоко наказывалъ своего школьника за малѣйшее самовольное дѣйствіе. Начнетъ, напр., русская дипломатія свои интриги на Балканскомъ полуостровѣ, - курсъ русскаго рубля немедленно падаетъ на десятокъ марокъ; произнесетъ Александръ III тостъ въ честь своего „единственнаго искренняго друга" — Николая черногорскаго, — снова падаетъ рубль. Позоръ этого положенія сознавался и самимъ самодержавіемъ, но сбросить съ себя сковывающія его цѣпи оно было не въ силахъ,

потому что въ рукахъ Бисмарка былъ всесильный кнутъ, который свисталъ по спинѣ самодержавія каждый разъ, какъ только оно обнаруживало поползновеніе на самовольный шагъ.

Самодержавіе было оттиснуто отъ Европы и устремило свои взоры на Азію. Противъ этого „союзники“ его ничего не имѣли. Они знали, что тамъ самодержавіе застрянетъ надолго. И дѣйствительно, отнынѣ „азіатская политика“ становится центральнымъ пунктомъ самодержавной дипломатіи.

Для „азіатской политики“ самодержавію нужны были огромныя деньги. Другія страны имѣютъ въ своей колоніальной политикѣ, помимо оружія и денегъ, весьма важное подсобное средство: торговыя сношенія. У самодержавія этого подсобнаго средства нѣтъ. Оградивъ русскую промышленность китайскою стѣною таможенныхъ тарифовъ и обезпечивъ, такимъ образомъ, русскимъ капиталистамъ огромную промышленную прибыль, оно убило въ нихъ всякое стремленіе къ поискамъ внѣшнихъ рынковъ: и дома хорошо, такъ хорошо, какъ нигдѣ, конечно, не будетъ. Помимо того, колоніальная торговля требуетъ розмаха, иниціативы, предпріимчивости, а эти качества самодержавіе вѣками искореняло въ своихъ „подданныхъ“. И вотъ, выходитъ такъ, что въ другихъ странахъ торговыя сношенія или, по крайней мѣрѣ, громко формулируемые торговые интересы, предшествуютъ завоевательнымъ экспедиціямъ, между тѣмъ какъ самодержвіе должно раньше такъ или иначе покорить данную страну, чтобы потомъ искуственными и насильственными мѣрами пытаться насадить тамъ русскую торговлю. Такая политика требуетъ, повторяемъ, огромныхъ средствъ, а самодержавныя кассы были, какъ мы видѣли, пусты. И вотъ, постепенно возникаетъ неожиданная политическая комбинація, — мы говоримъ о франко-русскомъ союзѣ. Во Франціи, со времени несчастной войны съ Пруссіей, буржуазія не переставала спекулировать на страхъ мелкой и средней буржуазіи предъ новымъ нашествіемъ врага. Терроризированная шовинизмомъ и націонализмомъ невѣжественная масса легче подпадаетъ подъ иго крупно-капиталистическаго господства. Союзъ съ самымъ „могущественнымъ монархомъ“ считался, кромѣ того, важнымъ козыремъ въ рукахъ крупной буржуазіи противъ опредѣляющихся требованій демократической партіи, противъ разростающагося рабочаго движенія. И правящая республикой партія протянула руку помощи растерявшемуся самодержавію, — и еще не было никакихъ переговоровъ, какъ французскіе банкиры уже перевели обезцѣненныя въ Германіи русскія бумаги на французскій рынокъ. Банкиры и финансисты нажили на этихъ операціяхъ огромныя состоянія, но самодержавіе могло расправить скрученныя назадъ руки. Потекли годы постыднѣйшей эксплуатаціи. Французская правящая клика еще болѣе спекулировала на страхъ народныхъ массъ, суля имъ

отъ союза съ царемъ и „реваншъ“ Германіи, и возвращеніе Франціи принадлежавшаго ей мѣста въ „европейскомъ концертѣ“, — и французкія денежки обильнымъ ручьемъ потекли въ пустую царскую казну, тѣмъ болѣе, что такихъ процентовъ, какіе платитъ самодержавіе, ни одна большая европейская страна давно уже не платитъ. Царь сдавался постепенно — съ ловкостью потерявшаго всякій стыдъ игрока. Разумѣется, ничего такого, что французская буржуазія сулила невѣжественнымъ массамъ, царь не могъ, да и не хотѣлъ давать. И вотъ начались взаимные визиты и празднества, заговорили сперва о „соглашеніи“, потомъ о „сердечномъ соглашеніи“, потомъ о „братствѣ оружія“, потомъ, наконецъ, о „дружбѣ и союзѣ“. И каждый визитъ, каждое новое празднество, каждое новое словечко оплачивалось новыми займами. За 10 лѣтъ самодержавіе перебрало во Франціи *не меньше десяти милліардовъ франковъ*.

Цѣпи, сковывавшія внѣшнюю политику самодержавія, были сброшены, и оно снова стало искать, на что бы наложить свою хищническую лапу. Укрѣпившись въ Средней Азіи, оно охотно мечтало о томъ, чтобы двигаться дальше на востокъ и на югъ, но здѣсь оно имѣло предъ собою Англію. Вступить съ нею въ открытый бой оно не рѣшалось — и стало интриговать въ Персіи, въ Афганистанѣ и пр.. Персидскому шаху нужны деньги на кутежи и на поѣздки по Европѣ, — самодержавіе преподноситъ ему разъ 8 милліоновъ руб., другой разъ еще 10 милліоновъ руб.. получая за это право устроить свой банкъ съ отдѣленіями въ нѣкоторыхъ городахъ Персіи и прочія концессіи. Но главныя мечты самодержавія въ этой области — пробиться на югъ къ морю. Югомъ же владѣетъ Англія — и завладѣніе Индіей становится такой же завѣтной, но неосуществимой мечтой самодержавія, какъ завоеваніе Константинополя. Пока что дѣло ограничивается интригами и совершенно непроизводительной тратой денегъ. Но ничего другого пока захватывать нельзя — и самодержавіе устремляетъ свои взоры на Дальній Востокъ. Такъ приступаютъ къ постройкѣ сибирской желѣзной дороги. Что тамъ будутъ захватывать — еще неизвѣстно, но пока расходуется безъ счета такъ легко выколачиваемое изъ Франціи золото.

Николай II вступилъ на престолъ, когда союзъ съ Франціей уже былъ заключенъ и сибирская дорога уже строилась. Во внѣшней политикѣ, какъ и во внутренней, онъ пошелъ по стопамъ „незабвеннаго“ родителя. Онъ продолжалъ его безстыдную игру съ Франціей и доканчиваетъ сибирскую дорогу, въ то же время приступивъ къ постройкѣ желѣзной дороги, которая должна была соединить Ташкентъ съ Оренбургомъ и Москвой, а потомъ и Ташкентъ съ Томскомъ. Весь Китай почти окружался желѣзнодорожнымъ кольцомъ. Пуще всего преклоняясь предъ „миролю-

біемъ" родителя, Николай шелъ по его стопамъ и — готовился къ войнѣ съ Китаемъ.

Но въ это время произошло обстоятельство, которое дало возможность самодержавію начать „безсмысленно мечтать" о томъ, что оно „мирными средствами" постепенно захватитъ Китай, а съ нимъ заодно и сосѣднюю Корею. Мы имѣемъ въ виду японско-китайскую войну, послѣ которой по мирному договору Китай уступилъ Японіи Манджурію и Ляодунскій полуостровъ. Этотъ договоръ заграждалъ дорогу Россіи на сушѣ къ Китаю, а на морѣ—къ Кореѣ. и вотъ, самодержавіе, опираясь на союзъ съ Франціей и при поддержкѣ Германіи, отнимаетъ у Японіи Манджурію и Ляодунскій полуостровъ и возвращаетъ ихъ Китаю. Послѣдній въ благодарность за такое „благодѣяніе", разрѣшаетъ самодержавію провести желѣзную дорогу не по лѣвому берегу Амура, черезъ Срѣтенскъ, а прямой линіей черезъ Манджурію до Харбина, а оттуда на самый югъ Ляодунскаго полуострова —къ Портъ Артуру. Теперь самодержавіе думаетъ постепенно спускаться южнѣе, захватить Китай, все Желтое море, всю Корею и кстати начинаетъ интриги въ Тибетѣ, чтобы черезъ Далай-Ламу пріобрѣсти вліяніе на все буддійское населеніе Азіи и, такимъ образомъ, выступить опаснымъ противникомъ англійскаго господства.

Будущее рисовалось самодержавію въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Безконечный міръ, все болѣе расширяющій его владѣнія — какая заманчивая идиллія! Вся Азія, вплоть до недоступныхъ высотъ Тибета, покрывается сѣтью стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ — во имя мира и на деньги Франціи; царь — высшій шефъ не только православія, но и будизма, шефъ, признанный самимъ Далай-Ламой; сотни и сотни милліоновъ новыхъ подданныхъ становятся подъ сѣнь самодержавія; вся Азія окружается новой великой стѣной, заграждающей доступъ англійскимъ и американскимъ товарамъ...

И царь расчувствовался. Не нужно больше войнъ! Всего можно достигнуть мирнымъ обаяніемъ самодержавной цивилизаціи. Онъ уже считалъ себя владыкой всей Азіи — и кто посмѣетъ тогда поднять руку на него? Такъ родилась въ головѣ Митрофана Обманова „великая идея" мирной гаагской конференціи. Въ Европѣ царскій циркуляръ о всеобщемъ разоруженіи былъ встрѣченъ гомерическимъ хохотомъ, который имѣлъ тѣмъ большее основаніе, что какъ разъ въ это время царь ассигновалъ огромную сумму на усиленіе военнаго флота и перевезъ на Дальній Востокъ массу войскъ, — „на всякій случай" — чѣмъ чортъ не шутитъ! Но европейская буржуазія любитъ иногда поиграть въ „гуманность" и „прогрессъ". И въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разыгрывалась гнусная комедія въ Гаагѣ — какъ разъ въ то время, какъ Англія начинала свою кровавую расправу съ бу-

рами, какъ почти всѣ европейскія державы готовились вслѣдъ за
самодержавіемъ, режиссеромъ фарса, отрѣзать себѣ по куску Ки-
тая, какъ безумныя траты на флотъ и армію, опять таки вслѣдъ
за самодержавіемъ, проповѣдывавшимъ вѣчный миръ, не переста-
вали разростаться.

Комедія кончилась, какъ и подобаетъ комедіи: позабавились,
посмѣялись и — разошлись по домамъ дѣлать прежнее дѣло,
„вооруженнаго мира“ и увѣрять всѣхъ въ своемъ безграничномъ
миролюбіи — до перваго удобнаго случая. Фарсъ былъ настолько
безстыдный, что даже Обмановъ не рѣшался возвращаться къ
нему, да и на Дальнемъ Востокѣ безоблачное, казалось, небо
стало заволакиваться грозными тучами. Неблагодарные желтые са-
народы, видимо, не доросли еще до пониманія всей прелести
модержавой цивилизаціи и готовились дать отпоръ. Эра „сердеч-
наго попеченія“ въ области иностранной политики была столь же
скоро оставлена, какъ и послѣдовавшая вскорѣ за нею эра „сер-
дечнаго попеченія“ въ области школьной политики самодержа-
вія.

Отнынѣ самодержавіе все болѣе и болѣе погружается въ свою
„азіатскую политику“, предоставивъ европейскія дѣла гнилой
Европѣ. Здѣсь вся его политика сводится преимущественно къ
безпрестаннымъ поискамъ за деньгами и къ войнѣ... съ рус-
скими революціонерами. Когда хмѣль шовинизма немного раз-
сѣялся во Франціи и традиціонные крестьянскіе чулки перестали
такъ охотно опустошаться ради наивно-голубыхъ глазъ Николая,
русская дипломатія выдвинула грандіозный планъ сближенія
Франціи съ Германіей и заключенія тройственнаго союза этихъ
государствъ съ Россіею. Благоразумные люди сейчасъ же по-
няли, что самодержавная дипломатія подготовляетъ заемъ въ
Германіи. И дѣйствительно, вскорѣ объявленъ былъ новый внѣшній
заемъ, одна половина котораго реализована была во Франціи, а
другая — въ Германіи. И какъ только дѣльце было сдѣлано,
весь грандіозный планъ исчезъ безъ всякаго слѣда. Но за то
Франціи былъ данъ урокъ: не будешь, молъ, денегъ давать, —
я съ Германіей дружбу заведу.

Франціи эта безстыдная игра, наконецъ, надоѣла, и тамъ
стали говорить о томъ, чтобы поискать дружбы гдѣ-нибудь въ
другомъ мѣстѣ. Давно уже крупная буржуазія науськивала
массы противъ Англіи, съ которою нѣсколько разъ даже чуть до
войны не доходило. Но въ сущности Франція и Англія отлично
могутъ ужиться вмѣстѣ не только въ Европѣ, но и въ Азіи, и въ
Африкѣ, гдѣ у нихъ имѣются колоніи. Впервые на это указали
англійскіе тредъ-юніоны и французскіе рабочіе синдикаты въ
манифестахъ, которыми они обмѣнялись нѣсколько лѣтъ тому на-
задъ. Когда престижъ франко-русскаго союза сталъ падать, въ
эту сторону направили свое вниманіе и правящія партіи. И

дѣйствительно, очень небольшихъ усилій достаточно было, чтобы добиться полнаго соглашенія по всѣмъ „спорнымъ“ вопросамъ. И теперь, когда разсѣялось, какъ дымъ, и обаяніе военнаго могущества самодержавія, которое на всѣ лады воспѣвалось продажной шовинистской прессой, даже и невѣжественной мелкой буржуазіи не страшна мысль о разрывѣ съ царской Россіей и замѣны этого дорого стоющаго союза съ варварскимъ самодержавіемъ—союзомъ съ болѣе свободной и цивилизованной Англіей. Дни франко-русскаго союза, можно сказать, сочтены. Во всякомъ случаѣ, во Франціи поняли, что не царская Россія можетъ представлять собою опору въ случаѣ опасности, и даже оппортунистическая печать, которая недавно только воскуривала ѳиміамъ самодержавію, говоритъ о необходимости измѣненія русскаго режима и знакомитъ своихъ читателей съ либеральнымъ теченіемъ и революціоннымъ движеніемъ въ Россіи.

Не болѣе удачной оказалась война самодержавія съ революціонерами на европейской почвѣ. Нѣкоторые изъ наиболѣе характерныхъ фактовъ въ этой области слишкомъ памятны, чтобы на нихъ нужно было долго останавливаться. Всѣ помнятъ еще, какъ наканунѣ проектировавшейся царской поѣздки въ Италію самодержавная дипломатія потребовала выдачи рев. Гоца. Рисковать вызвать всеобщее негодованіе въ странѣ передъ самымъ пріѣздомъ царя для того только, чтобы изловить одного революціонера, — это было такъ безконечно-глупо, что даже друзья самодержавія только руками разводили. И дѣйствительно, итальянскіе соціалисты подняли такую агитацію по всей странѣ, что Гоца должны были освободить, а царь такъ и не посмѣлъ поѣхать въ Италію, гдѣ соціалисты приготовились его встрѣтить оглушительнымъ свистомъ. Такимъ же позоромъ кончилась попытка самодержавія въ Германіи. Тамъ его претензіи были еще болѣе гнусны. Нѣмецкіе соціальдемократы помогали русскимъ соціальдемократамъ перевозить соціальдемократическую литературу въ Россію. И вотъ, самодержавная дипломатія, потерпѣвшая полный крахъ на Дальнемъ Востокѣ, рѣшила взять реваншъ въ Германіи и потребовала привлеченія къ судебной отвѣтственности нашихъ германскихъ товарищей. Вильгельмъ II, который видитъ въ русскомъ самодержавіи оплотъ для своихъ абсолютическихъ замашекъ и который по опыту знаетъ, какъ высоко русское самодержавіе цѣнитъ услуги въ этомъ отношеніи, поспѣшилъ исполнить желаніе Николая II, хотя это и противорѣчитъ германскимъ законамъ. Но на судѣ въ Кенигсбергѣ раскрылась такая картина мрачнаго безправія въ Россіи, такъ ярко выставлена была противозаконность привлеченія къ суду, что все, что есть хоть немного демократическаго и свободолюбиваго въ Германіи, единодушно протестовало противъ Вильгельма и его русскаго самодержавнаго друга, а германскіе товарищи отвѣтили на прив-

леченіе къ суду образованіемъ общества для содѣйствія перевозкѣ въ Россію нелегальной литературы. — Столь же глупо было и требованіе самодержавной дипломатіи высылки изъ Франціи Бурцева — какъ разъ въ то время, когда русскій флотъ и русскія войска терпѣли такія позорныя пораженія на Дальнемъ Востокѣ. Даже въ такое время самодержавіе не останавливалось предъ рискомъ вызвать всеобщее негодованіе въ „дружественной" Франціи, лишь-бы доставить нѣкоторую непріятность русскому революціонеру. Разумѣется, и французскіе соціалисты устроили рядъ собраній, на которыхъ самодержавіе публично пригвождалось къ позорному столбу. И Бурцевъ остался во Франціи.

Такъ самодержавіе собственной своей глупостью возстановляло противъ себя въ разныхъ странахъ даже тѣ слои населенія, которые недовѣрчиво относятся къ разсказамъ соціалистовъ о дикомъ режимѣ, господствующемъ въ Россіи. И можно смѣло сказать, что нѣтъ ни одной страны въ Европѣ, гдѣ бы самодержавіе не было предметомъ всеобщей ненависти, за исключеніемъ только самыхъ заядлыхъ реакціонеровъ и клерикаловъ, которые справедливо видятъ въ царизмѣ послѣдній оплотъ реакціи и столь же справедливо опасаются, что паденіе самодержавія будетъ сильнымъ ударомъ для всей европейской реакціи. Не мало содѣйствовали этой ненависти и кишиневская рѣзня, и политика самодержавія въ Финляндіи, и его гнусное отношеніе къ армянамъ.

Этимъ и исчерпывается роль самодержавной дипломатіи въ Европѣ. Она можетъ быть резюмирована въ нѣсколькихъ словахъ: самодержавіе возстановило противъ Россіи рѣшительно всѣ народы; оно до послѣдней степени уронило престижъ Россіи даже въ тѣхъ странахъ, какъ Франція и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ раньше Россіи симпатизировали. И теперь, когда царская Россія переживаетъ критическій моментъ, она не можетъ разсчитывать на поддержку ни одной страны. Даже Франція не посмѣетъ поддержать царскую Россію, потому что общественное мнѣніе страны этого не допуститъ. Весь, рѣшительно весь міръ сочувствуетъ Японіи, хотя японскіе имперіалисты, толкавшіе на войну, далеко не внушали къ себѣ симпатіи.

Самодержавіе пожинаетъ плоды своей политики. Любуйтесь, русскіе патріоты!

* * *

Когда пробуешь подвести итогъ „азіатской политики" самодержавія, прямо въ ужасъ приходишь при мысли, сколько бѣдствій готовило оно странѣ. Малая Азія, Персія, Афганистанъ, Памиръ, китайскій Туркестанъ, Тибетъ, Манчжурія, Корея, Желтое и Японское моря, — всюду велись интриги, всюду тратились бѣшеныя деньги на подкупы, на банки, на никому ненужныя концессіи, всюду строились или проектировались желѣзныя до-

роги и другіе пути сообщенія, все это самодержавіе хотѣло захватить, не говоря уже объ его завѣтныхъ мечтахъ — завладѣть Индіею и Китаемъ. И Россія должна себя прямо почитать счастливой, что война съ Японіей положитъ конецъ этой дико-безумной и чудовищно-преступной политикѣ...

Зачѣмъ все это нужно было Россіи? Что дѣлала-бы она съ этими странами, къ нѣкоторымъ изъ которыхъ, — напр. къ Тибету, — даже доступу нѣтъ со стороны Россіи? Сколько десятковъ милліардовъ поглотила-бы эта безумная погоня за дикими странами? — Этими вопросами самодержавная дипломатія, конечно, не задавалась. Она интриговала, захватывала мѣстность, стремилась къ новымъ захватамъ, сама не зная, что изъ этого выйдетъ, инстинктивно стремясь компенсировать (искупать) свою подлую внутреннюю политику расширеніемъ территоріи. Но судъ исторіи суровъ, безпощаденъ и полонъ глубокаго внутренняго смысла: *внутренняя политика самодержавія дѣлала невозможной его внѣшнюю хищническую политику.* И самодержавіе запуталось въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ.

Война съ Японіей служитъ этому лучшимъ доказательствомъ. Мы говоримъ не только о подкупахъ, продажности, воровствѣ, грабежахъ, нерадѣніи, бездарности, которыми отчасти объясняются позорныя пораженія царскаго самодержавія въ Манчжуріи. Этому есть болѣе глубокія причины. Для колоніальной политики нужна развитая промышленность, а самодержавіе своей экономической политикой, своимъ постояннымъ обираніемъ народа, невѣжествомъ, въ которомъ оно его держитъ, рабскимъ духомъ, которымъ оно его сковываетъ, — задерживаетъ развитіе промышленности. Для веденія современныхъ войнъ, при современныхъ орудіяхъ убійства, нужны грамотные, развитые солдаты, способные на иниціативу и самостоятельныя дѣйствія, а русскій солдатъ, по винѣ самодержавія, боящагося грамотнаго народа, безграмотенъ и невѣжественъ, — и не даромъ опытные профессіональные стратеги говорятъ, что побѣды японцевъ надъ русскими войсками являются побѣдой японскаго народнаго учителя надъ русскимъ попомъ. Для побѣды нужно желаніе народа побѣдить, а самодержавіе внушило всѣмъ такую ненависть къ себѣ, что къ его военнымъ затѣямъ вся Россія относится враждебно или — въ лучшемъ случаѣ — равнодушно.

Такъ внутренняя политика самодержавія сдѣлала невозможной его внѣшнюю политику, въ которой оно видѣло свое спасеніе. И обѣ эти политики вмѣстѣ сдѣлали невозможнымъ его собственное существованіе. И оно корчится въ предсмертныхъ судоргахъ.

Товарищи! Добейте же это отвратительное чудовище! Одного движенія могучаго плеча пролетаріата, одного сильнаго пинка ногой вполнѣ достаточно теперь.

К. Д.

Сонъ подъ первое мая (сказка-правда). Цѣна 25 с.
Письмо къ московскимъ наборщикамъ. Цѣна 15 с.
Отчетъ съѣзда южныхъ комитетовъ и организацій Р. С.-Д. Р. П. Цѣна 20 с.
Изъ рабочаго движеія въ Одессѣ и Николаевѣ. Цѣна 40 с.
Васильевъ. Восьмичасовой рабочій день. Цѣна 25 с.
Разсказы изъ ист. французск. революціи, вып. I-III. Цѣна 90 с.
А. Б. Обуховская оборона. Цѣна 40 с.
Двѣ рѣчи (П. Алексѣева и Варлена). Цѣна 25 с.
Изъ Тифлисскаго рабочаго движенія. Цѣна 20 с.
Пѣсни революціи. Цѣна 25 с.
Демонстранты передъ судомъ. Обвинительный актъ по Нижегородскому и Саратовскому дѣламъ. Цѣна 20 с.
А. Б. Городское самоуправленіе въ Россіи. Цѣна 50 с.
Амвросій. Правда о ростовскихъ событіяхъ. Цѣна 1 фр.
Машицкій. Изъ жизни солдата. Цѣна 40 с.
Машицкій. Въ огнѣ. Позѣсть. Цѣна 60 с.
Стачка, пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 25 с.
Запретные листки (изъ воспоминаній рабочаго). Цѣна 25 с.
Докладъ, представленный делегаціей рус. соц. дем. международному конгрессу въ Лондонѣ въ 1896 г. Цѣна 50 с.
Докладъ делегаціи Р. С.-Д. Р. П. Амстердамскому Международн. Соціалистич. Конгрессу 1904 г. 1 фр.
Извѣщеніе о второмъ очередномъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи. Цѣна 20 с.
Ортодоксъ. О „Проблемахъ идеализма“. Цѣна 80 с.
Таганрогскій процессъ по дѣлу о ростовской демонстраціи второго марта. Цѣна 30 с.
Эдмондо-де-Амичисъ. Студенты и соціальный вопросъ. Ц. 25 с.
В. Бахаревъ. О шифрахъ. Цѣна 25 с.
В. Бахаревъ. Какъ держатъ себя на допросахъ. Ц. 50 с.
Шпіонъ (Картинка изъ жизни). Цѣна 25 с.
Рѣчи нижегородскихъ рабочихъ на судѣ. Цѣна 25 с.
Обвинительный актъ по златоустовскому дѣлу. Цѣна 15 с.
Судъ надъ брянскими рабочими съ приложеніемъ рѣчей защитниковъ. Цѣна 40 с.
К. Л. Двѣ Европы Ц. 20 с.
П. С. Во что обходится русскому народу война. Ц 20 с.
П. С. Тайные документы „восточной политики“ царскаго правительства (1881-90). Ц. 25 с.
Рядовой. Изъ-за чего война и чему она учитъ. Ц. 25 с.
Мартыновъ. Соціальдемократическія побѣды и буржуазно-демократическіе реванши. Оттискъ изъ № 5 „Зари“. Ц. 50 с.
Н. Троцкій. Наши политическія задачи (тактическ. и организ. вопросы). Цѣна 75 с.
Политическіе процессы. Изъ матеріаловъ „Искры“. Цѣна 25. с.
Первый шагъ Цѣна 10 с.
Матеріалы по якутскому процессу. Цѣна 60 с.
Жанъ Лонге. Соціализмъ въ Японіи. Перев. съ французск. Съ предисл. В. Засуличъ. Цѣна 60 с.
Рабочій. Рабочіе и интеллигенты въ нашихъ организаціяхъ. Цѣна 30 с.
М. Мартыновъ. Двѣ диктатуры. Цѣна 60 с.

Царь-послѣдышъ. Надгробное слово самодержавію къ десятилѣтію царствованія Николая II. Цѣна 40 сант.
Почему сдался Портъ-Артуръ Цѣна 20 сант.
Женская доля. Цѣна 15 сан.
Внѣшняя и національная политика. Цѣна 20 сант.
„РАБОТНИКЪ“ № 3-4 Ц. 2 фр. 50 с. № 5-6. Ц. 3 фр. 75 с.
„ЕЖЕГОДНИКЪ“. Журналъ русскаго соц.-дем. общества въ Нью Іоркѣ. Цѣна 1 фр.
ЗАРЯ № 2-3. Цѣна 7 фр. 50 с. ЗАРЯ № 4 — 5 фр.
Прокламаціи:

Первое мая. Прокламац. Центральн. Комитета и редакціи Центр. Орг. Р. С.-Д. Р. П.

Прокламаціи редакій „Искры“ по поводу русской-японской войны:

I. 1) Ко всему рабочему народу. 2) Къ обществу.

II. 1) Почему царское правительство затѣяло войну? 2) Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ. 3) Патріотическій грабежъ. 4) Кому помогать? 5) Международный жандармъ. 6) Зачѣмъ нужны еврейскіе погромы? 7) Жертвуйте, русскіе люди! 8) Правдивое слово министра финансовъ. 9) Для чего долженъ умирать русскій солдатъ? 10) Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ? 11) Уроки войны. 12) Къ солдатамъ. 13) Пора! 14) Война противъ войны. 15) Кризисъ, безработица, война. 16) Рабочему народу. 17) Кто долженъ побѣдить? 18) Царскія пораженія и наши требованія.

„ИСКРА“ Центральный Органъ Р. С.-Д. Р. П.; выходитъ каждыя двѣ недѣли. *По подпискѣ* цѣна 30 с. номеръ.
„СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ“ Ежемѣсячн. рабочая газета. *По подпискѣ* цѣна номера 40 с.
Въ складъ экспедиціи Партіи поступили изданія группы „Борьба“:
Соціальдемократическій календарь. Цѣна 2 фр. 50 с.
Ю. Невзоровъ и Н. Рязановъ. Отказываемся ли мы отъ наслѣдства. Цѣна 1 фр. 50 с.
Н. Рязановъ. Новая программа „Рабочаго Дѣла“. Цѣна 60 с.
Н. Рязановъ. Проектъ программы „Искры“ и задачи русскихъ саціальдемократовъ. Цѣна 3 фр.
Наша программа. Цѣна 60 с.

Со всѣми требованіями просятъ обращаться по адресу экспедиціи Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи:
P. Axelrod, Boul-d du Pont d'Arve 4. Genève—Suisse.

Цѣна 20 сант.

